

Маковкин Александр Сергеевич

ПРОБЛЕМА СОЗНАНИЯ В КОНТЕКСТЕ ИЗУЧЕНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

В статье анализируется проблематика сознания в контексте её значимости для изучения искусственного интеллекта. Автор рассматривает современные подходы к проблеме сознания и выделяет характерные черты и отличия естественного и искусственного интеллектов. На основе изучения данной проблематики автор строит несколько предположений о значении технологии искусственного интеллекта для будущего как человечества в целом, так и индивидуальной личности.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2015/2-1/31.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 2 (52): в 2-х ч. Ч. I. С. 113-116. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2015/2-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hists@gramota.net

Смерть человека неизбежна как неизбежность появления и пребывания всех «вещей» в границах природы. Природа полностью и всецело детерминирует человека. Монтень, как и Эпикур, оставляет человека «инертным», бессильным перед природой (системой), неспособным трансцендировать за ее границы [1, с. 137].

Таким образом, анализ танатологических оснований смертной казни показывает, что существование этого института метафизически оправданно и закономерно в силу того, что человек мыслится «включенным» в системные процессы, которые тотально детерминируют его существование. Личность в монтенизме предстает в виде пассивной экзистенции, устранение которой предусмотрено существованием и устройством самой системы.

Список литературы

1. Лосев А. Ф. История античной философии в конспективном изложении. 2-е изд-е, испр. М.: ЧеРо, 1998. 192 с.
2. Лященко М. Н. Смертная казнь как «низложение» человека до «простейшей природы»: анализ просветительского деизма Эпикура // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 10 (48). Ч. II. С. 135-138.
3. Мамардашвили М. К. Лекции по античной философии. М.: Прогресс-Традиция, 2009. 248 с.
4. Монтень М. Опыты. М. – Л.: Издательство Академии наук СССР, 1954. Кн. 1. 560 с.
5. Платон. Определения // Платон. Диалоги / пер. с древнегреч., сост., ред. и авт. вступ. ст. А. Ф. Лосев; авт. примечания А. А. Тахо-Годи. М.: Мысль, 1998. 607 с.
6. Фрагменты ранних греческих философов. М.: Наука, 1989. Ч. I. От этических теокосмогоний до возникновения атомистики. 576 с.
7. Шопенгауэр А. Избранные произведения. М.: Просвещение, 1992. 479 с.
8. Штайнер Р. Вопрос воспитания как социальный вопрос. Спиритуальные, культурно-исторические и социальные основы педагогики вальдорфской школы. Калуга: Духовное познание, 1982. 112 с.

THANATOLOGICAL GROUNDS OF DEATH PENALTY IN MONTAIGNISM

Lyashchenko Maksim Nikolaevich, Ph. D. in Philosophy
Orenburg State University
Megamax82@rambler.ru

The article reveals the metaphysical grounds of death penalty through the attitude of Montaignism to the phenomenon of death. The author, using value-existential approach, comes to the conclusion that as long as private being is decomposed in any system and personal-existential dimension is not taken into account, the practice of death penalty will act and be applied as a protective mechanism by the system «switching it on» in order to save itself and its harmonious and sustainable existence.

Key words and phrases: death; death penalty; Montaignism; nature; fate.

УДК 141.7

Философские науки

В статье анализируется проблематика сознания в контексте её значимости для изучения искусственного интеллекта. Автор рассматривает современные подходы к проблеме сознания и выделяет характерные черты и отличия естественного и искусственного интеллектов. На основе изучения данной проблематики автор строит несколько предположений о значении технологии искусственного интеллекта для будущего как человечества в целом, так и индивидуальной личности.

Ключевые слова и фразы: искусственный интеллект; сильный искусственный интеллект; сознание; проблема сознания; физикализм; функционализм; трансгуманизм; информационное общество.

Маковкин Александр Сергеевич

Воронежский государственный университет
kolbasungames@gmail.com

ПРОБЛЕМА СОЗНАНИЯ В КОНТЕКСТЕ ИЗУЧЕНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА[©]

Может ли машина иметь сознание? С одной стороны, современные компьютеры способны выполнять сложнейшие арифметические задачи, для решения которых биологическим существам необходимо наличие сознания. С другой стороны, очевидно, что компьютерам не нужно сознание для того, чтобы сложить два плюс два. Может ли у машины появиться нечто, что мы могли бы назвать сознанием? На протяжении многих лет этот вопрос является горячо обсуждаемым в естественно-научных и философских кругах. Может ли машина мыслить, чувствовать (иметь *qualia*) или даже превзойти человеческий разум? Все эти вопросы остаются открытыми.

Очевидно, что философское осмысление искусственного интеллекта неразрывно связано с исследованием и пониманием естественного интеллекта. Поэтому теоретическое соотнесение ИИ с ЕИ является необходимым условием для глубокого осмысления возможностей искусственного интеллекта и перспектив его развития.

Ответ на вопрос, может ли машина обладать сознанием, напрямую зависит от того, что мы подразумеваем под сознанием естественным. Данная проблематика наиболее популярна среди представителей аналитической философии, в чьих публикациях представлены два конкурирующих собой подхода, которые, тем не менее, чаще всего полагаются на одну и ту же стратегию редукционизма.

Физикалистское объяснение «стремится редуцировать явления сознания к физическим процессам и таким путем решить психофизиологическую проблему и добиться единства научной картины мира» [3, с. 42]. Относительно проблемы разума-тела физикализм придерживается позиции, что все разумные когнитивные функции можно объяснить исключительно активностью мозга. В рамках физикализма Джон С্মарт и Юллин Плэйс сформулировали теорию тождества, согласно которой определенное ментальное состояние буквально тождественно некоторому состоянию мозга [2]. Теория тождества неоднократно критиковалась, и один из наиболее известных аргументов высказал Хилари Патнем. Его теория о множественной реализации заключается в том, что когнитивные явления не сводятся к некоторому определенному состоянию мозга. Например, боль могут испытывать разные живые существа, но маловероятно, что у всех многообразных животных и людей при этом совпадает состояние мозга. Из чего Патнем делает вывод, что теория тождества неверна [Там же].

Второй фундаментальный подход к проблеме сознания – функционалистское объяснение сознания. Данный подход отвергает физикалистские решения и редуцирует сознание к функциональным отношениям. Функциональная система определяется совокупностью причин «на входе» и следствий «на выходе». Соответственно, если речь идет о сознании, то нас интересует не его физический носитель, а функциональное состояние, определяемое сенсорными данными и результирующим поведением. Таким образом, главный тезис функционализма состоит в том, что одни и те же функциональные состояния могут быть реализованы на принципиально различных физических системах. Одни и те же функции могут быть реализованы системами с разными физическими свойствами. Современная медицина позволила заменять сердечный клапан искусственным, аналоговые и цифровые часы, несмотря на разные физические свойства, успешно выполняют одну и ту же функцию, а значит, возможно, и функцию сознания со временем сможет выполнять не только органический мозг, но и машина. Данный принцип часто выступает основой теории искусственного интеллекта.

Однако сам функционалистский подход часто используется для редукции сознания к когнитивным операциям и поведенческим актам. Например, Д. Деннет прямо заявляет, что функционирование когнитивно-информационных процессов является главным признаком сознания [6]. При такой трактовке наличие сознания можно приписывать всем системам, совершающим «разумные» операции. Если мыслить в таком ключе, то сам вопрос «может ли машина обладать сознанием?» теряет актуальность, потому что современные компьютеры уже обладают сознанием, раз они способны производить вычислительные операции на порядок лучше человека. При этом упускается из виду, на наш взгляд, самая главная характеристика сознания – наличие субъективной реальности. Субъективная реальность, как пишет Давид Израилевич Дубровский, – это «специфическое и неотъемлемое качество сознания. Именно оно создает главные теоретические трудности эпистемологического и онтологического характера при разработке проблемы сознания, и прежде всего в плане объяснения связи явлений сознания с мозговыми процессами» [3, с. 43].

Для естественного интеллекта субъективная реальность является особым способом представленности информации и оперирования ею. В ходе биологической эволюции организм наших предков сильно усложнялся, и со временем появилась необходимость в эффективном способе отображения внешней действительности и управления собой с целью выживания. Так, с точки зрения Дубровского, в ходе антропогенеза возникло сознание как удобная и оперативная система получения и обработки информации, предназначенная для управления сложным организмом [3]. Отличительная черта сознания состоит в том, что восприятие внешнего мира само становится объектом восприятия и управления. Появилась способность практически безграничного производства информации об информации, организм получил возможность управлять собственными когнитивными процессами. Сознание порождает особый вид отражения реальности в контуре «Я» – «не-Я», что приводит к высокой степени свободы мыслительной деятельности. Благодаря субъективной реальности разумный организм получает возможность фантазировать, абстрагироваться, прогнозировать ситуации и творчески решать задачи, не связанные с текущим выживанием.

Вышеописанные особенности ЕИ как раз и составляют его основное различие с ИИ. Несмотря на то, что современные компьютеры способны выполнять сложнейшие логические операции, очевидно, что они не обладают субъективной реальностью, а значит неправомерно считать их разумными. Реальное человеческое мышление включает в себя множество составляющих, отсутствующих у современных компьютеров, таких как: интуиция, эмоции, воля, вера и так далее. Таким образом, сознание не может быть редуцировано к одним лишь логическим операциям.

Сказанное, однако, не умаляет значения исследований искусственного интеллекта. Впечатляющие достижения компьютерных наук обусловили начало нового этапа цивилизации – информационного общества. Дальнейшее развитие искусственного интеллекта может во многом определить будущее человечества. Поэтому мы должны тщательно анализировать и максимально реалистично оценивать существующие гипотезы. Некоторые ученые в области искусственного интеллекта склонны считать, что стремительное наращивание мощности вычислительных систем приведет к появлению искусственного сознания. Например, профессор А. Болонкин, сопоставляя существующие в настоящее время машины (уже создан компьютер в 8 терафлоп) и стремительную скорость развития вычислительных систем, считает, что уже через 25 лет будет создан суперкомпьютер, превосходящий по мощности все мозги человечества [5]. Следовательно, подобная машина не может не обладать теми качествами, которые присущи отдельному человеческому мозгу. Впрочем, данное высказывание весьма спорно. Фантасты охотно рассуждают на тему зарождения сознания в компьютерах ввиду возрастающей их

сложности. Стоит хотя бы вспомнить известное японское анимэ «Призрак в доспехах», в основе которого лежат философские идеи Гилберта Райла, который, в свою очередь, критикуя дуалистов XVII-XVIII веков, называл их представлением о сознании «призраком в машине» [8]. Мы считаем, что это не тот случай, когда огромные количественные накопления приводят к новому качеству, так же как одно лишь накопление огромного количества атомов в цепочке ДНК не может привести к появлению биологической системы. Сколько бы информации ни накапливал компьютер, как бы умело ей ни оперировал, этого недостаточно для возникновения сознания.

Впрочем, если заглянуть в будущее, то на основе парадигмы функционализма теоретически допустимо создание такого типа самоорганизующейся системы, которая будет наделена субъективной реальностью и окончательно сотрет грань между искусственным и естественным интеллектом. Ключ к созданию сильного ИИ лежит не в наращивании вычислительной мощности, а в понимании фундаментальных особенностей информационных процессов, протекающих в мозге. Для создания подобной машины ученым необходимо выяснить, какие свойства естественного интеллекта являются важными и необходимыми для функционирования сознания в форме субъективной реальности и можно ли их реализовать в искусственной физической системе, но пока развитие компьютерной техники идет не в этом направлении. Возможно, к разгадке тайн сознания и воплощению его в искусственной форме нас приблизят квантовые компьютеры на основе искусственных нейронных сетей, но разработки в этой области идут крайне медленно ввиду банальной коммерческой бесполезности таких устройств. Наиболее мощный компьютер с параллельной архитектурой на данный момент может моделировать лишь часть мозга крысы.

Таким образом, мы можем сделать два кардинально различных прогноза на будущее развитие информационных технологий и всего человечества. Первый заключается в том, что если учёным удастся наделить компьютер субъективной реальностью, научить его мыслить о мысли, то тогда теоретически возможна и новая электронная цивилизация, создание бессмертного искусственного человека путем закачивания всей хранящейся в мозгу информации на цифровой носитель. По мнению вышеупомянутого профессора Болонкина, подобное общество в будущем неизбежно придет на смену нашему [5]. Эти идеи созвучны философии трансгуманизма, основанной на признании возможности и необходимости усиления физических и умственных способностей человека, а также ликвидации старения и смерти посредством передовых технологий. Человечество стремительно развивается, не претерпевая значительных биологических изменений, а значит, мы сами должны взять управление эволюцией в свои руки. Подобный подход пытается помочь преодолеть экзистенциальный страх перед осознанием своей неминуемой конечности, но философские идеи трансгуманизма хоть и позитивны, но кажутся нам пока далекими от конкретной реализации.

На наш взгляд, более реалистична другая возможность – своеобразный «трансфер без гуманизма». На смену неторопливой биологической эволюции приходит стремительная информационно-технологическая эволюция. Ведь за последние 30 лет развития компьютерных технологий и Интернета жизнь человека изменилась больше, чем за пару предыдущих столетий. И если в погоне за бессмертием человек откажется от изменчивого и недолговечного физического тела, то нужно ли будет ему сознание? Ведь, как мы рассуждали ранее, сознание возникло из-за необходимости управления сложным организмом в ходе эволюции. Следовательно, при замене недолговечного биологического тела на менее сложное, но более эффективное отпадёт необходимость и в громоздком аппарате для обеспечения выживания этого тела. Возможно сознание – не высшая точка эволюционного развития, а промежуточный этап, который впоследствии исчезнет из-за ненужности, как и любой другой рудимент. Итак, встаёт ещё один вопрос: «Наделим ли мы компьютер сознанием или же откажемся от него сами?». Казалось бы, какой разумный человек добровольно откажется от сознания? Но, как и большинство кардинальных изменений, это происходит постепенно и незаметно. Мы всё чаще не рожаем мысли, а вылавливаем их из всемирного информационного поля, нашу память всё чаще заменяют онлайн-энциклопедии, а дети, с рождения знакомые с сенсорными экранами, впадают во фрустрацию, сталкиваясь с невозможностью изменить размеры реальных объектов движением пальцев. Так и данная статья не могла бы быть написана без стабильного подключения к сети. Хочется верить в позитивное будущее человечества, в бессмертных электронных людей, способных при этом к эмпатии; но, задумываясь об искусственном интеллекте, всё чаще приходит мысль, что не человек делает машину подобной себе, а машины подгоняют под себя человека. Возвращаясь к вопросу «может ли машина иметь сознание?», наш ответ таков: да, с точки зрения функционализма, это теоретически возможно, но к моменту, когда такие технологии будут доступны, останутся ли те, кто помнят, какого это – иметь сознание?

Список литературы

1. Бейлин М. В. Технологизация жизни: проблемы и перспективы // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 9. Ч. 1. С. 19-22.
2. Блохина Н. А. Теория тождества в системе современных представлений о сознании [Электронный ресурс]. URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000720/st008.shtml> (дата обращения: 09.12.2014).
3. Дубровский Д. И. Искусственный интеллект и проблема сознания // Новое в искусственном интеллекте: методологические и теоретические вопросы. М.: ИИнтелЛ, 2005. С. 42-48.
4. Чалмерс Д. Сознательный ум / пер. В. В. Васильев. Oxford: Oxford University Press, 2002. 405 с.
5. Bolonkin A. A. Universe, Human Immortality and Future Human Evaluation. N. Y.: Elsevier, 2010. 124 p.
6. Dennet D. Consciousness Explained. L.: Brown and Co, 1991. 457 p.
7. Dennet D. Quining Qualia // Brainstorms. Cambridge: MIT Press, 1986.
8. Ryle G. The Concept of Mind. Chicago: University of Chicago Press, 2002. 327 p.

PROBLEM OF CONSCIOUSNESS IN THE CONTEXT OF STUDYING ARTIFICIAL INTELLIGENCE

Makovkin Aleksandr Sergeevich
Voronezh State University
kolbasungames@gmail.com

The article analyzes the problematic of consciousness in the context of its importance for the study of artificial intelligence. The author considers modern approaches to the problem of consciousness, and identifies the characteristic features and differences of natural and artificial intelligence. Basing on the study of this problem the author makes a few assumptions about the meaning of artificial intelligence technology for the future of mankind as a whole, and an individual personality.

Key words and phrases: artificial intelligence; strong artificial intelligence; consciousness; problem of consciousness; physicalism; functionalism; transhumanism; information society.

УДК 9; 94(47)

Исторические науки и археология

В статье раскрываются вопросы осуществления государственного контроля над выполнением заключенных между советским правительством и японскими рыбопромышленниками концессионных договоров, а также въезда, передвижения, выезда лиц, прибывающих на японские концессионные рыболовные участки, ввоза и вывоза грузов и уловов. Анализируются трудности, возникавшие у органов пограничного контроля в ходе реализации своих полномочий.

Ключевые слова и фразы: концессии; рыболовные концессии; концессионная политика; пограничная охрана; пограничный пост; Дальрыба.

Маковский Артем Владимирович

Дальневосточный государственный гуманитарный университет
artemmakovskii@mail.ru

**ПРОБЛЕМЫ ОРГАНИЗАЦИИ СОВЕТСКОГО КОНТРОЛЯ
ЯПОНСКИХ РЫБОЛОВНЫХ ПРОМЫСЛОВ (КОНЕЦ 20-Х – 30-Е ГГ. XX ВЕКА)[©]**

Дальний Восток России всегда был и остаётся важным в политическом и экономическом отношениях регионом нашего государства. Богатейшие запасы природных ископаемых и биоресурсов традиционно привлекали пристальное внимание не только отечественных, но и ряда иностранных промышленников. Не был исключением и период 20-30-х гг. прошлого века.

Отличительной особенностью Дальнего Востока после его освобождения от интервентов и белогвардейцев в конце 1922 г. и воссоединения Дальневосточной Республики с РСФСР было существенное, если не ключевое, влияние иностранного капитала на его торгово-экономическое развитие. При огромной протяженности слабоохраняемой границы и неподдельного интереса к возможности освоения природных богатств со стороны иностранных государств (прежде всего Японии и США) Дальний Восток стал одним из первых регионов, обративших на себя внимание со стороны советского руководства в качестве объекта концессионной политики [4, с. 15]. Учитывая последствия Гражданской войны и интервенции для его экономики и транспортной инфраструктуры, малочисленность населения и дефицит квалифицированных кадров во всех отраслях, можно с уверенностью предположить, что привлечение заграничного капитала имело жизненно важную необходимость для восстановления региона. Одним из основных объектов концессионной политики Советского государства на Дальнем Востоке была рыбная промышленность, наряду с не менее важными отраслями – лесной и горной. Вопрос об упорядочении производства лова в российской части дальневосточных вод стоял особенно остро, ввиду того что в период Гражданской войны и интервенции на Дальнем Востоке японские рыбопромысловые предприятия фактически единолично осваивали морские биоресурсы тихоокеанского побережья [6, с. 156]. Осознавая всю безотлагательность решения данного вопроса, советские органы власти предпринимали первые шаги по наведению порядка в сфере рыбопромысловой деятельности. В марте 1923 г. Совнарком РСФСР принял декрет о порядке эксплуатации рыбных и морских звериных промыслов на Дальнем Востоке, а еще раньше, в декабре 1922 г., данный вопрос рассматривал Дальневосточный революционный комитет (далее – ДРК). Этим постановлением ДРК все договоры, контракты и иные соглашения, заключенные до 14 ноября 1922 г., аннулировались. Попытки японских рыбопромышленников проигнорировать указанные выше нормативные акты результатов не дали, и на первый план рыболовных отношений выходила задача поиска компромиссов по вопросам рыболовства в советской части тихоокеанских вод.

Очередной виток советско-японских рыболовных отношений произошел после подписания в Пекине 20 января 1925 г. «Конвенции об основных принципах взаимоотношений между СССР и Японией»,